

*С.В. Цыб***Когда была битва на Калке**

Ключевые слова: река Калка, битва, 16 июня 1226 г.
Key words: Kalka-river, battle, June 16, 1226.

Данная статья является продолжением нашей предыдущей публикации, посвященной исследованию историографии вопроса о дате первой битвы русских с монголами на реке Калке [1]. Напомним читателям заключительный вывод этого исследования: «История изучения калкской хронологии недвусмысленно указывает на то, что апелляции к иностранным сведениям не смогут заменить тщательного историко-хронологического исследования русских летописных показаний, которые одни только и могут стать ключом к разгадке проблемы... Разногласия русских памятников совсем не является отягчающим обстоятельством, а наоборот создает условия для поиска верного решения» [1, с. 221].

Уже самый простой сравнительно-текстологический анализ показывает, что за многообразием годовых датировок скрывается первоначальное показание 6731 г. от Сотворения Мира (далее – С.М.), которое несколько раз подвергалось редактированию, никак не связанному со специальными хронологическими расчетами. Полнее всего начальный этап деформации исходного годового числа зафиксировали памятники, отразившие тверскую переработку 1412 г. московского свода 1408 г. (Владимирский летописец и Симеоновская летопись). Давно уже было отмечено, что на значительном участке текста (6715–6738 гг.) они опережают на одно годовое показание памятники, представляющие ту же линию развития северо-восточного летописания, но еще не затронутую редактированием 1412 г. (Лаврентьевская и Троицкая летописи). С полной очевидностью понятно, что «увеличенный» ряд годовых чисел редакции 1412 г. был получен искусственно, путем механического прибавления одного номера к «лаврентьевско-троицким» годам [2, с. 202–203; 3, с. 17–58]. В этот ряд датировок входит и интересующее нас хронологическое показание.

Во Владимирском летописце, правда, битва на Калке датирована начальным годом (6731 г.), но при этом очевидно, что это сообщение было изъято из комплекса летописной статьи 6732 г. (соответствует 6731 «лаврентьевско-троицкому» году) и механически перенесено в 6731 г. (6730 г.): в 6732 г. Владимирского летописца остались конечные фрагменты рассказа о битве, извещающие о том, как после битвы князь Ва-

илько Константинович вернулся в Ростов, а Владимир Рюрикович вокняжился в Киеве [4, с. 85–86]. Эта же купюра отразилась и в Симеоновской летописи: «послекалкское» известие о возвращении Василька осталось в 6732 г., причем с неясными пояснениями о том, что князь «сохранен Богом» от какой-то беды, но вырванное из этого комплекса сообщение о битве так и не попало в 6731 г. [5, с. 79]. Вспомним, что еще А.А. Куник предполагал искусственное появление 6732 г. в датировании Калкской битвы [6, с. 786–787].

Кстати, соединение в текстах редакции 1412 г. двух различных версий датировки (6731 и 6732 гг.) показывает, что механическое увеличение первоначальных годовых номеров было произведено не тверским редактором начала XV в., а на более ранних этапах развития северо-восточного летописания.

Дальнейшее изменение летописного текста, входящего к редакции 1412 г., привело к очередным механическим увеличениям 6732 номера года под влиянием очевидной вставки в батальный рассказ эпического предания об участии в битве ростовских «храбров» во главе с Александром Поповичем. Эту линию искажения исторической информации в разной степени отразили такие родственные памятники, как Никоновская летопись (рассказ о битве и об участии «храбров» переместился здесь в 6733 г.), Рогожский летописец (битва в 6734 г., но упоминания о ростовцах нет) и Тверской сборник (есть рассказ об Александре Поповиче, но битва осталась в 6732 г.) [7, с. 319–321].

Итак, несомненно, что в первоначальном варианте битва на Калке была датирована 6731 г. от С.М., с которым и следует согласовать четыре противоречивых календарных даты – 30 мая, 31 мая, 16 июня и 16 июля.

Оригинальная календарная дата Типографской летописи (16 июля) [8, с. 90, прим. «г»] никогда не принималась историками в расчет, поскольку все летописные повести недвусмысленно относили битву к весне или раннему лету. Однако не раз уже говорилось об условности передачи интервалов времени в этих повестях, поэтому июльская дата требует специальных объяснений. Замена «июня» на «июль» и обратный порядок альтернации созвучных названий месяцев являются типичными ошибками древнерусских переписчиков [9, с. 42–43]. Очень часто эти ошибки проявляются и в изучаемых нами памятниках северо-

восточной русской летописной традиции. Так, Владимирский летописец в известиях конца XII – начала XIII в. систематически переставляет названия двух первых летних месяцев в сравнении с более ранними северо-восточными текстами (Лаврентьевская, Радзивилловская летописи и др.), но при этом его показания правильной передают первичную форму юлианских дат, что выясняют дополнения по святцам. Например, «лаврентьевско-радзивилловский» текст в статье 6702 г. относит построение Детинца во Владимире к 4 июня и дню памяти св. Митрофана, который на самом деле, как и отмечено во Владимирском летописце, поминается в святцах 4 июля [4, с. 77; 10, стб. 411]. Иначе говоря, мы можем уверенно объяснить календарную дату Типографской летописи опиской переписчика, тем более, что, как будет сказано далее, такой вывод подтверждается показанием святцев.

Примерно так же можно «минимизировать» и майские даты. Число **•Л̃Л̃•**(31), помещенное под короткое титло **•Л̃Л̃•**, довольно часто при переписке приобретало значение **•Л̃•**(30), потому что последняя цифра не подпадала под цифровое обозначение и воспринималась переписчиками как буква; могло произойти и обратное, когда из цифры 30 при переписке получалась цифра 31 [9, с. 41].

Более вероятно, однако, другое объяснение, предполагающее изменение первоначальной майской даты в процессе специального хронологического редактирования. На это указывает намеренно «ошибочная» датировка битвы из Лаврентьевской летописи: **«Се же зло сключи<ся> мѣсяца мая въ •Л̃• (30), память святого Ерѣмни»** [10, стб. 447].

Преднамеренность ошибки заключается в том, что память мученика Ермия в XI–XIII вв. приходилась не на 30, а на 31 мая. Именно так она датируется в служебных минеях [11, с. 16] и в «летописных» святцах (например: **«И приде Новгороду мѣсяца мая въ •Л̃Л̃• (31), на святого мученика Ерѣмни»** [12, с. 30]). В Остромировом Евангелии, правда, 1 июня отмечен день св. Ермила [13, л. 247], но здесь имелся в виду св. апостол Ерм, чья память ныне, как и память Ермия, празднуется 31 мая.

Получается, что в первоначальном варианте сочетание календарных элементов майской даты было таким, как в Новгородской первой летописи **«си же злоба сътворися мѣсяца мая въ •Л̃Л̃• (31), на святого Ерѣмья»** [12, с. 63]), затем число 31 было изменено на 30, но при этом память святого вошла в новую дату без изменений. Иначе говоря, редактор первоначальной майской датировки целенаправленно изменил ее юлианскую часть, но не имел намерения или навыков для изменения дополнения по святцам. В этой части Лаврентьевской летописи довольно часто встречаются календарные даты, в которых юлианские числа противостоят показаниям

святцев, причем ясно, что противоречия не возникали в результате описок: 6707 г. – 6 июня, св. Дорофей (надо 5 июня); 6709 г. – 10 августа, св. Далмат (3 августа); 6714 г. – 19 марта, св. Фома (21 марта); 6728 г. – 19 августа, свв. Андрей и Наталья (26 августа); 6745 г. – 7 февраля, св. Феодор Стратилат (8 февраля) и др.

Понять смысл целенаправленной переработки числа 31 мая в 30 мая можно с помощью предположения о том, что в первоначальной майской записи рядом с юлианским числом и памятью святого присутствовало и указание на день недели, переведенное затем на юлианское число другой системы времяисчисления. Допустим, например, что начальное календарное показание относилось к 6731 г. самой распространенной на Руси константинопольской эры летосчисления; в ультрамартовском 6731 г. этой эры (март 1222 г. – февраль 1223 г.) 31 мая, день св. Ермия, был вторником. Редактор-переписчик, принявший этот год за сентябрьский (сентябрь 1222 г. – август 1223 г.) или мартовский (март 1223 г. – февраль 1224 г.), усмотрел в юлианском числе «ошибку», так как по его представлениям последний вторник мая 6731 г. приходился на 30 число этого месяца. Исправив «ошибку», он все же без изменений приписал к новому числу память святого, поскольку, видимо, не был хорошо знаком с календарным расписанием святцев.

Итак, только две календарные даты (31 мая и 16 июня) могли совмещаться с тем годовым показанием (6731 г.), которое содержалось в древнейшей и начальной записи сообщения о битве на Калке, т.е. возможными являются только два сочетания календарных и годовых элементов – 31 мая 6731 г. или 16 июня 6731 г. Их сравнение показывает, что они совсем не противостоят друг другу, а наоборот передают два варианта пересчета в числа юлианского календаря одного и того же обозначения пасхального календаря – вторник второй седмицы после праздника Пятидесятницы 6731 г. В первом случае 6731 г. принят за ультрамартовский константинопольский (и это совпадает с нашим предположением, возникшим при сравнении дат 31 мая и 30 мая!), в границах которого (март 1222 г. – февраль 1223 г.) второй после Пятидесятницы вторник приходился на 31 мая 1222 г. Во втором варианте 6731 г. был вычислен по византийско-болгарской эре летосчисления; этот год соответствовал марту 1226 г. – февралю 1227 г., а его второй послепентикостный вторник выпадал на 16 июня 1226 г.

Одним из обычаев календарного датирования исторических событий в летописях было указание рядом с юлианскими числами пасхальных датировок по образцу расписания Евангелия-апракос; такие датировки отмечаются и в северо-восточном русском летописании начала XIII в.: **«Мѣсяца мая в •ЄІ•(15) день... в день Воскресенья Господня въ Сборъ святыхъ Отець, •З̃•(7) недѣли по Пасцѣ»**, **«мѣсяца мая въ •Г̃•(3) день, в пятток •Д̃•**

(4) недѣли по Пасцѣ», «мѣсяца мая въ •ГІ•(10) день, в пятък •Ѕ•(5) недѣли по Пасцѣ», «мѣсяца н҃уля въ •ГІ•(3), на •И•(8) недѣли в пятък по Пасцѣ» [10, стб. 435, 454, 485] и др. Именно в такой пасхально-юлианской форме и была записана первоначальная календарная дата 6731 г. в рассказе о Калкской битве, а дальнейшее редактирование «потеряло» ее пасхальную часть и изменило юлианское число. Неясно, однако, годом какой эры был обозначен 6731 номер года первоначальной записи – константинопольской или византийско-болгарской? Иначе, когда же на самом деле произошла первая битва русских с монголами – 31 мая 1222 г. или 16 июня 1226 г.?

Вспомним, что «восточная» линия перекрестного сравнения довольно убедительно датирует появление монголов в Половецких степях не ранее 1224 г., что, казалось бы, делает более предпочтительной вторую дату [1, с. 220]. Мы знаем, однако, и о том, что перекрестно-сравнительный способ решения хронологических проблем не дает надежных оснований для окончательных выводов. Намного важнее то, что хронологический анализ летописных памятников северо-восточной традиции, восходящих к своду 1305 г., с полной несомненностью показывает наличие в сообщениях конца XII – первой трети XIII в. следов архаичного византийско-болгарского летосчисления, искаженного позднейшим редактированием с применением константинопольского счета.

Первый и весьма убедительный случай проявления старинной византийско-болгарской хронологической основы свода 1305 г. (протограф Лаврентьевской и родственных ей летописей) обнаруживает известие о смерти князя Всеволода Большое Гнездо. Относя ее к 6720 г. или к «увеличенному» 6721 г., некоторые летописи указывают еще и слово «индикт» без числа: Лаврентьевская летопись – «в лѣто •#ЅΨК̃•(6720), индикта, мѣсяца априля въ •ГІ•(13) день»; Симеоновская летопись – «въ лѣто •#ЅΨК̃•(6721), индикта, мѣсяца априля въ •ИІ•(18) день» [10, стб. 436; 5, с. 73]. В первоначальном летописном тексте было полное индиктовое обозначение, но затем оно подверглось сокращению. Такие случаи хорошо нам известны на примере «Повести временных лет», и каждый раз они объяснялись тем, что позднейшим редакторам летописного текста были непонятны индиктовые номера, проставленные их предшественниками рядом с годами, вычисленными оригинальными способами времяисчисления [14, с. 57–58]. В нашем случае, однако, первоначальный номер индикта сохранился на страницах одного из поздних списков северо-восточной летописной традиции. Владимирский летописец так датировал смерть великого князя: «в лѣто •#ЅΨК̃•(6721), индикта •Д•(4),

мѣсяца априля •ГІ•(13) день» [4, с. 83].

Это хронологическое показание позволяет нам восстановить первоначальную дату и понять причину сокращения индиктового числа. Приверженцам константинопольского летосчисления, к каковым относились редакторы текста 1305 г., четвертый номер индикта оказался ошибкой, поскольку он соответствовал не 6721 или 6720 константинопольским годам, а 6724 г. этой эры; однако тот же самый индиктовый отрезок времени (1 сентября 1215 г. – 31 августа 1216 г.) совершенно правильно был соединен кем-то из летописцев XIII в. с 6720 византийско-болгарским годом сентябрьского (сентябрь 1215 г. – август 1216 г.) или мартовского календарного стиля (март 1216 г. – февраль 1217 г.). Таким образом, получается, что годом смерти Всеволода Юрьевича был не 1212 г., как это считалось до сих пор, а 1216 г.

Как выясняется, несостоятельна и традиционная календарная дата смерти этого князя (13 апреля). Отметим, что ее содержат те северо-восточные летописи, которые, как мы только что выяснили, вносили изменения в старинную владими́ро-суздальскую хронологию (сокращение номера индикта). Оригинальное показание Симеоновской летописи («мѣсяца априля въ •ИІ•(18) день») является, по всей видимости, опиской, так как следом за ним, подобно Лаврентьевской летописи, отмечается «память святого Мартына, папы Римскаго», которая в месяцесловах всегда соответствовала 13 апреля. Совсем иначе можно трактовать показание Пискаревского летописца. Состав этого памятника окончательно еще не изучен, но несомненно, что в описании событий начала XIII в. он передает достаточно древние владими́ро-суздальские известия, иногда совпадавшие с сообщениями свода 1305 г., но иногда от них отличные. Здесь сообщается о том, что «преставися великий князь... Всеволод Юрьевич априля •ЅІ•(15)» [15, с. 82]. Появление числа 15 нельзя объяснить типичными для древнерусской письменности ошибками. Календарная дата Пискаревского летописца указывает на 6720 византийско-болгарский год, в котором 15 апреля было пятницей, что и отметила первоначальная запись о смерти князя; позднейший же редактор «спроецировал» пятницу на апрель 6720 мартовского константинопольского года (март 1212 г. – февраль 1213 г.) и определил, что это было 13 апреля.

Почти все летописные некрологи определяют общий срок княжения Всеволода во Владимиро-Суздальской земле 37-ю годами. Этот расчет выводит нас на 6683 или 6684 г. как первый год его правления, что, однако, не подтверждается летописями, где это событие относится к 6685 г. [10, стб. 379–380, 436]. Интересно, однако, что в северо-восточном рассказе 6685 г. о вокняжении Всеволода встречаются календарно-недельные даты, которые никак не совместимы с

константинопольским летосчислением (воскресные дни 20 и 27 июня), что было отмечено уже исследователями прошлых столетий [16, с. 121; 17, с. 17–18]. Н.Г. Бережков довольно неубедительно пробовал объяснить появление этих дат посторонними факторами (наступление вечера, отражение церковного обряда предпразднования и пр.), но он же и подсказал верный путь решения проблемы: «Если определять год событий по указанному сочетанию дня месяца и дня недели, то пришлось бы датировать их... 1170/1 или... 1181/2... годом» [18, с. 80, 314, прим. 71]. Действительно, в древнерусской летосчислительной форме эти календарно-недельные показания должны были бы относиться к 6678–6679 или 6689–6680 гг. константинопольской эры, но подобных дат начала великокняжеской карьеры Всеволода нет ни в одном источнике. Пискаревский летописец, однако, повторяя «общепринятую» в летописании дату 6685 г., в статье 6686 г. сообщает: «**На третии год по ѱбиении от Кучкович князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго приде... брат его Всеволод..., и седе на великое княжение Владимерское**» [15, с. 79]. Этот год действительно согласован с датой убийства Андрея Боголюбского (6683 г. в северо-восточных памятниках) и, если признать его сентябрьским или мартовским византийско-болгарским годом, будет относить на воскресные дни юлианские даты 20 и 27 июня. Думается, что некоторая сложность такого построения, позволяющая заподозрить его искусственность, компенсируется другими указаниями на систематическое проявление византийско-болгарского летосчисления в древнем владими́ро-суздальском летописании.

Еще один едва заметный, но несомненный след византийско-болгарского счета мы находим в текстах редакции 1412 г. (Владимирский летописец и Симеоновская летопись), где в 6727 г. при описании смерти Константина Всеволодовича говорится о том, что было «**всѣхъ лѣтъ житна его •ЛѢ• (36) лѣтъ**». Этот расчет предполагает рождение Константина в 6691 г., тогда как во всех северо-восточных текстах оно относится к 6694 г. (ср.: [10, стб. 397; 4, с. 75, 78; 5, с. 78]); получается, что 36-летний возраст князя был высчитан от византийско-болгарской даты его рождения, на три года предшествующей константинопольскому номеру года и уничтоженной позднейшим редактированием. Примечательно, что в Лаврентьевской летописи после слов «**бѣ же всѣхъ лѣтъ Костянтиновыхъ**» недоуменный редактор, заметивший несоответствие цифры 36 лет константинопольской годовой шкале, так и не указал возраст умершего ростовского князя [10, стб. 444, прим. «г»].

Последней в этом ряду древних византийско-болгарских датировок конца XII – начала XIII в., преобразованных позднее в константинопольские, является дата битвы на Калке. Нам становится ясно, что в своде 1305 г. отразился какой-то древний, воз-

никший не ранее второй половины 20-х гг. XIII в., летописный источник, появившийся во Владимиро-Суздальской земле и располагавший события по византийско-болгарской годовой шкале. Историко-хронологические выводы в данном случае замечательным образом совпадают с результатами сравнительно-текстологического исследования, согласно которым в своде 1305 г. отразился Владимирский летописный свод 1228 г. [7, с. 320–321; 19, с. 138–139].

Именно в этом летописном памятнике и содержалось письменное сообщение о битве на Калке, заимствованное, судя по всему, из южнорусской летописной традиции и датированное 16 июня 6731 византийско-болгарского года (1226 г.) и вторником второй седмицы после Пятидесятницы. Это хронологическое показание стало исходным для формирования всех тех разнообразных вариантов датировки битвы, что донесли до нас сохранившиеся русские летописи XIV–XVII вв.

Начальным этапом модификации первоначальной даты стала ее переработка в ультрамартовское константинопольское показание, осуществленная, по всей видимости, также в рамках северо-восточной летописной традиции (возможно, в Ростовском своде конца 30-х гг. XIII в., по схеме М.Д. Приселкова). Этот вариант даты отразила Новгородская первая летопись. Дальнейшее изменение датировки происходило по двум направлениям. Одно из них привело к пересчету ультрамартовской константинопольской датировки в мартовскую, которая и попала на страницы Лаврентьевской летописи. Другая линия изменения была связана с механическим увеличением ультрамартовских годовых показаний на одно обозначение; отчетливее всего эту форму сохранили северо-восточные летописные тексты, восходящие к редакции 1412 г. Именно с этой «увеличенной» датой соединился подробный рассказ (так называемая повесть о битве на Калке (о ней см.: [20, с. 141; 21, с. 99–103])), и это соединение отразилось, с одной стороны, в галицко-волынском летописании (Ипатьевская летопись) и, с другой, в поздней новгородской летописной традиции. Что касается последней, то на нее повлияла и самая архаичная версия датировки, что проявилось в виде соединения в своде середины XV в. (протограф Новгородской четвертой, Софийской первой и других летописей) юлианского числа 16 июня и 6732 номера года.

Итак, историко-хронологическое исследование летописных показаний привело нас к выводу о том, что первое сражение русских с монголами случилось 16 июня 1226 г. Предлагая новую версию датировки этого исторического события, заметим, что методика ее обоснования должна вызвать у специалистов большее доверие, нежели противоречивые своими результатами перекрестные сравнения предшественников.

Относительные годовые показания русских источников вряд ли могут оказать решающее влияние

на решение вопроса о времени битвы. Неоднократно уже отмечалось, что точность таких расчетов весьма приближительна, поскольку, во-первых, здесь проявлялись многие необычные особенности древнерусского счета лет (округление, включение в счет исходных годов и т.д.) и, во-вторых, они опирались уже на существующие даты от С.М. без учета их принадлежности к той или иной эре и календарному стилю [9, с. 52–57]. В нашем случае наглядный пример «достоверности» таких показаний откровенно демонстрирует расчет автора «Задонщины»: «**А от Калатъские рати до Момаева побоища •Рѣ• (160) лѣт**» [22, с. 98], что заставляет относить сражение на Калке к 1220 г., и что, кстати, согласуется с одним из показаний западноевропейской сравнительной линии [1, с. 221]. Ничего не добавляет к нашим знаниям и относительная дата летописей, восходящих к своду 1448 г. («отъ пѣвнени Киевскаго до Калковскаго лѣтъ •К• (20)» [23, с. 51; 24, с. 32]), потому что она является результатом расчетов позднего редактора (по А.А. Шахматову, составителя Ростовского владычного свода [25,

с. 316–320]) от давно уже сформировавшихся летописных показаний (6711 г. – взятие Киева Рюриком Ростиславичем; 6731 г. – битва на Калке).

Тем не менее одно из таких показаний заслуживает внимания. Оно содержится в хронологическом перечне конца XIII в. из русского продолжения «Летописца вскоре»: «**Въ •Ѣ• (5) лѣто княжения Юрьева явншася татарове... и князини русьскихъ извиша на Калцѣхъ. В •ѢІ• (15) лѣто княжения Юрьева, а от Адама лѣто •ѠѢМѢ• (6746), татарове пѣвнша землю Сѣвѣдальскую**» [26, с. 319]. Из этого следует, что во Владимиро-Ростовской летописи, возникшей на границе XIII и XIV столетий, описание Калкской битвы предшествовало десяти годами рассказу о нашествии Батые в 6745 (6746) г., т.е. датировалось 6735 г., который в сравнении с 6731 (или 6732) византийско-болгарским годом представляет собой константинопольское показание. Это еще раз подтверждает отнесение первого русско-монгольского военного столкновения к 1226 г.

Библиографический список

1. Цыб, С.В. Когда была битва на Калке (историография вопроса) / С.В. Цыб // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – №4/2.
2. Приселков, М.Д. История русского летописания XI–XV вв. / М.Д. Приселков. – СПб., 1996.
3. Лурье, Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. / Я.С. Лурье. – Л., 1976.
4. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). – М., 1965. – Т. 30.
5. Русские летописи. Т. 1: Симеоновская летопись. – Рязань, 1997.
6. К. (Куник А.А.) О признании 1223 года временем битвы при Калке / А.А. Куник // Ученые записки Императорской Академии наук по I и III Отделениям. – 1853. – Т. II. – Вып. 5.
7. Лихачев, Д.С. Летописные известия об Александре Поповиче / Д.С. Лихачев // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. – Л., 1986.
8. ПСРЛ. – М., 2000. – Т. 24.
9. Цыб, С.В. Хронология домонгольской Руси. Ч. 1: Киевский период / С.В. Цыб. – Барнаул, 2003.
10. ПСРЛ. – М., 1962. – Т. 1.
11. Срезневский, И.И. Древний русский календарь по месячным минеям XI–XIV вв. / И.И. Срезневский // Христианские древности и археология. – СПб., 1863. – Кн. 7.
12. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л., 1950.
13. Остромирово Евангелие 1056–1057 гг. – М.; Л., 1988.
14. Цыб, С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет» / С.В. Цыб. – Барнаул, 1995.
15. ПСРЛ. – М., 1978. – Т. 34.
16. Погодин, М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 4: Период удельный, 1054–1240 / М.П. Погодин. – М., 1850.
17. Степанов, Н.В. К вопросу о календаре Лаврентьевской летописи / Н.В. Степанов // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1910. – Кн. 4 (235).
18. Бережков, Н.Г. Хронология русского летописания / Н.Г. Бережков. – М., 1963.
19. Приселков, М.Д. История русского летописания XI–XV вв. / М.Д. Приселков. – СПб., 1996.
20. Свердлов, М.Б. К вопросу о летописных источниках «Повести о битве на Калке» / М.Б. Свердлов // Вестник Ленинградского университета. – 1963. – №2.
21. Романов, В.К. Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи / В.К. Романов // Летописи и хроники. – М., 1981.
22. Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века. – М., 1981.
23. ПСРЛ. – Пг., 1915. – Т. 4. – Ч. 1. – Вып. 1.
24. ПСРЛ. – Л., 1925. – Т. 5. – Вып. 1.
25. Шахматов, А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. / А.А. Шахматов. – М.; Л., 1938.
26. Степанов, Н.В. Летописец вскоре патриарха Никифора в Новгородской Кормчей / Н.В. Степанов // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – 1912. – Т. 17. – Кн. 3. – 1912.